Ч. 21. Львôвъ дня 1. (13.) Листопада 1880. Р. X.

РУСКІЙ СІОНЪ

СЛОВО
въ день св. Архистратига Михаила.

„*Не вси ли суть служебніи дуси, на служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе?*“ (Евр. 1. 14.)

Маемо Ангелôвъ Хранителѣвъ. Яка-то утѣшительна мысль! Не самі мы живемъ на тôй бѣднôй земли, и земля наша, при всей своей бѣдности не есть ще такій падолъ, котрый поселяти суджено тôлько осуджеными Богомъ переступниками волѣ Божои. Съ нами Ангели Хранителѣ! Правда то, що чоловѣкъ согрѣшивъ передъ Богомъ, и разомъ съ чоловѣкомъ Богъ проклявъ и жилище его; но упадокъ нашь не успѣвъ ще розôрвати всѣхъ нитокъ, котрыми земля сполучалася съ небомъ и чоловѣкъ съ Ангелами. Ласкою Божою, и вѣчнымъ ходатайствомъ Агнця передъ Богомъ, якъ сонце не переставало николи свѣтити землѣ нашôй, такъ и Ангели Божі николи не переставали являтися людямъ, вразумляти ихъ, и провадити на дорозѣ спасеня. И теперь небо не замкнене для землѣ; и теперь, и если коли, то теперь особливо, середъ царства благодати, Ангели по воли Божôй не перестаютъ сходити до людей, жіютъ межи нами, и служатъ, якъ слуги и други вѣрні, всякому, що хоче наслѣдовати спасенье. Весело-то встрѣтити на чужôй сторонѣ чоловѣка изъ стороны рôднои! Мы привязуемося до него и любимо его безъ всякихъ условій, вже задля того одного, що ôнъ родився и вырѣсъ тамъ, где родилися и росли мы, и тыхъ выдѣвъ людей и природу, съ котрыми сжилися мы. Бесѣда его немовъ переноситъ насъ въ незабуту родину, и, въ товариствѣ его, на чужôй сторонѣ мы зачинаемо жити якъ на родинѣ. Чижь не такъ утѣшительне для насъ и то наше вѣрованье, що съ нами и межи нами живуть небесні Ангели? Съ нами Ангели, Хранителѣ наші; и такъ и на земли для насъ вже есть ôтчасти небо; и на земли намъ можна жити ôтчасти якъ въ небѣ.

Съ нами Ангели Хранителѣ! И щожь може ôтняти у насъ тое утѣшительне вѣрованье, котре даруе намъ само Слово Боже? Кто може зачинити дверѣ неба, котрі отчинила сама любовь Божа до насъ?

А однако суть люди, що спорятъ о истнованю Ангелôвъ и пытаютъ: Якъ Ангели, существа безтѣлесні, могутъ дѣйствовати на насъ, людей обложеныхъ тѣломъ? Тымъ то и для того-то особенно Ангели и могутъ дѣйствовати на насъ, що они безтѣлесні. Ангели безтѣлесні; слѣдов. если и есть у нихъ яке нибудь особенне жилище,

то они не привязанй до него такъ, якъ мы привазанй до землѣ нашои. Не обтяженй тѣломъ, они свобо̂дно обтекаютъ вселенну, всюды помагаючи розумнымъ тварямъ Божимъ и руководячи ихъ до Бога. Ангели безтѣлеснй; слѣдов. и тѣло наше для нихъ не есть перепоною дѣйствовати просто на душу нашу. Мы не видимо и не знаемо внутренныхъ чувствъ, мыслей и нуждъ подо̂бныхъ намъ братій, доки сами они не о̂ткрыютъ ихъ намъ словомъ або дѣломъ: а безтѣлеснй Ангели видятъ и знаютъ нашу душу непосредственно, и читаютъ въ ней всѣ еѣ помысли и чувства. И чижь не такъ видятъ и знаютъ нашу душу, чи не въ таке точно непосредственне общенье съ нами вступаютъ и тй святй душй, котрй, оставивши землю и тѣло земне, живутъ вже, якъ Ангели на небѣ?

Въ всяко̂мъ селѣ и сторонѣ суть молячйся имъ, и они всюды обтекаютъ, завсѣгды наставляютъ, укрѣпляютъ, исцѣляютъ душевно и тѣлесно всѣхъ, котрй съ вѣрою призываютъ ихъ. Чижь не излишнй, — пытаютъ дальше, — стараня о насъ Ангело̂въ, коли есть у насъ промыслъ Божій? Нѣ, промыслъ Божій чуває и надъ дитиною, просячою грудей у своей матери, и надъ молодцемъ потребуючимъ руководства старшихъ, и надъ старшимъ, и надъ старцемъ, що не потребуе помочи молодого, и надъ сиротою, що шукае запомоги у людей добрыхъ; и однакожь промыслъ Божій не выключае нй старанности о̂тця и матери о дитинѣ, нй старанности о воспитанье молодця, нй помочи добрыхъ сиротѣ и безпріютному. Промыслъ Божій по̂ддержуе и сохраняе природу видиму: но промыслъ Б. розказуе и сонцю всходити для освѣченя, и дощеви падати для орошеня землѣ нашои.

Богъ производитъ дерево плодовите въ садахъ нашихъ и рослины для корму въ поляхъ нашихъ; но Богъ не перешкоджуе и чоловѣкови трудитися для улучшеня садового дерева, и полѣпшати землю за-для богатшои жатвы. Въ цѣло̂й видимо̂й природѣ Богъ дѣйствуе посредственно, употребляючи высшое, до по̂ддержаня нисшого. Чижь не то само повинно бути и въ свѣтѣ невидимо̂мъ? Промыслъ Божій о дитину не выключае трудо̂въ матери около неи; такъ той самый промыслъ Божій о насъ, слабыхъ людяхъ, не выключае и стараній о насъ крѣпкихъ силою Ангело̂въ. *Божіе твореніе, Божіе созданіе есмы, о Немъ бо живемъ, движемся и есмы.* Но, якъ въ видимо̂й природѣ Богъ употребляе сонця для еи плодоносности, такъ и въ природѣ невидимо̂й Онъ употребляе Ангело̂въ для утвердженя въ добро̂мъ людей. Хороненье насъ Ангелами, не то̂лько не противорѣчитъ промыслови, но и существенно входитъ въ премудрый плянъ его.

Есть наконецъ и тая мысль, будьто служенье Ангело̂въ людёмъ недостойне Ангело̂въ, що и чоловѣкъ не стоитъ его. Служенье Ангело̂въ людемъ достойне Ангело̂въ. Коли руководятъ людей до Бога, комужь другому служатъ Ангели, якъ не самому Богу? Не на то посылаются они, щобы удовлетворити людскимъ похотямъ, а на то, щобы роспростроняти всюды любовь до всёго доброго и святого. Чи може бути занятіе, бо̂льше достойне такъ чистыхъ и боголюбивыхъ существъ, якъ Ангели? Ангели по своей природѣ высшй о̂тъ насъ; но они высшй о̂тъ насъ и що до норовственнои чистоты и святости. То̂лько насъ грѣшныхъ надмеваютъ и роздѣляютъ нашй внѣшнй осо-

бенности; а на небѣ не такъ, — тамъ свято выповняются слова Спасителя: *болїй въ васъ, да будетъ всѣмъ слуга* (Нат. 23. 11). Впрочѣмъ и наша природа не такъ упослѣджена, якъ мы деколи думаемо. По смыслу самого Творця души нашои цѣлый свѣтъ не стоитъ одной правдиво святои душѣ (Мат. 16. 26). Самъ Богъ въ искупленію якбы оцѣнивъ душу нашу цѣною крови Сына Свого. Не пощадившій Сына для нашого искупленя Господь, чи пожалѣе Ангелôвъ для нашого хороненя? *Нѣсть рабъ болїй Господа своего.* Если Сынъ прійде послужити и дати душу свою въ избавленье за многихъ: то чижь не тымъ больше зôйдутъ на землю и послужатъ намъ Ангели, рабы и слуги Сына?

Такъ! суть съ нами Ангели Хранителѣ! Ничо не може поколебати нашои вѣры въ нихъ. Противно, всё утверджае ю въ насъ. И само царство Боже и царство Христове мы не иначе можемъ представити собѣ, якъ такъ, що межи сынами царствія повинни бути и суть Ангели, Хранителѣ ихъ и помôчники въ дѣлѣ спасенія ихъ. Въ самôмъ дѣлѣ, що таке свѣтъ, якъ не дôмъ и родина Божа, въ котрôмъ розумнѣ твари повиннѣ жити, якъ дѣти Божѣ, слабшѣ пôдъ руководствомъ больше крѣпкихъ, а всѣ пôдъ проводомъ одного Отца Ангелôвъ и людей? До упадку нашого такъ и было. Тогды земля не была въ розрывѣ зъ небомъ, и явленія на ней жителѣвъ неба не было чудомъ. Тогды и Богъ, якъ Отецъ, бесѣдовавъ съ чоловѣкомъ лицемъ до лиця, и Ангели жили съ нимъ, якъ други, наставляючи ихъ на всяку правду. Тôлько грѣхъ прародичѣвъ ôторвавъ землю ôтъ неба и положивъ стѣну межи чоловѣкомъ и Ангелами. Но стѣна тая розрушена нашимъ Спасителемъ. Богъ зновъ зôйшовъ на землю, щобы бесѣдовати съ чоловѣкомъ лицемъ до лиця, живъ на ней, проливъ на ней кровь свою, въ очищенье грѣхôвъ цѣлого свѣта, и такъ получивъ зновъ землю съ небомъ. *Яко въ Іисусѣ Христѣ благоизволи Богъ всему исполненію вселитися, и тѣмъ примирити всяческая въ себѣ, умиротворивъ кровію креста его, чрезъ него; аще земная, аще ли небесная.* (Кол. 1. 19. 20). Теперь нема перепоны Ангеламъ зновъ сходити до людей, и жити межи ними, якъ было до паденя. Изъ ворогôвъ Божихъ люди зновъ сталися дѣтьми Его возлюблеными. *Отселѣ*, говоривъ Спаситель, *узрите небо отверсто, и Ангелы Божія возходящія и низходящія надъ Сына человѣческаго*, и конечно, не тôлько надъ Сына человѣческого, но и на всякого, въ кимъ перебувае той Сынъ чоловѣческій.

Если мы не можемо представити и самого Царства небесного на земли безъ перебуваня на ней жителѣвъ неба: то тымъ больше ще мы не можемо представити, щобы Ангели Божѣ не содѣйствовали до розширеня того Царства. *Царство Бога нашого и область Хріста Его* спроваджені на землю Іисусомъ Христомъ, настали, но, до часу, не ôткрылися въ цѣлôй своей славѣ. *Брань къ духовомъ злобы поднебеснымъ* ще продовжаеся и вороги Бога и Хріста Его ще не всѣ положенѣ *подножіе ногама Его.* Комужь приличнѣйше стати противъ діявола и слугъ его, якъ не воинству Божому; кому приличнѣйше предводити сынами свѣта въ тôй важнôй борбѣ противъ тьмы, якъ не Ангеламъ Божимъ, крѣпкимъ и силою, и мудростію и любовію до Бога?

Если суть на земли невидимѣ поборники царства тьмы, то по-

*

винни̑ бути на ней и поборники царства свѣтла; и если и сатана достае слугъ на кожду не утверджену въ добрѣ душу людску, то чи не тымъ бо̂льше достае Ангело̂въ на всяку душу у Господа силъ?

Впрочѣмъ, чи можна сомнѣватися о существованiю при насъ Ангело̂въ Хранителѣвъ, коли то неоспорымо извѣстно изъ самого досвѣду? Гляньте въ житя святыхъ, а увидите, якъ тiи земни̑ Ангели були въ тако̂мъ само̂мъ общеню съ Ангелами небесными, въ яко̂мъ мы находимся одни̑ съ другими, и такъ само видѣли ихъ, якъ мы видимо одинъ другого. Если мы не видимо Ангело̂въ Хранителѣвъ, то причина того лежитъ въ то̂мъ, що мы або зовсѣмъ не зъ числа *боящихся* Господа, *окрестъ* которыхъ *ополчается Ангелъ Господень*, або що мы ще не взо̂йшли на тую степень норовственнои чистоты, на котро̂й о̂ткрываются очи сердця. Очи сердця: бо якъ для видженя чувственныхъ предмето̂въ намъ дане чувственне око, такъ для видженя духовного у насъ повинно бути око духовне. Нема сомнѣнiя, що и межи нами суть люди, у котрыхъ отверте око тое, и котри̑, розумѣеся втайнѣ, вже откровеннымъ лицемъ видятъ Ангело̂въ своихъ. Но нема также сомнѣнiя, що у бо̂льшой части изъ насъ око тое ще покрыте тьмою грѣха, и для того видженье Ангело̂въ для многихъ изъ насъ на теперь неможливе. Впрочѣмъ и мы можемо по досвѣду знати о Ангелахъ хотя ихъ не видимо. Будь, Христiянине, уважнѣйшимъ для твого внутренного и внѣшного житя, а ты увидишь въ немъ много, чого нiякъ не можна объяснити изъ звыклого хода твоихъ чувствъ, мыслей и дѣлъ, и що конечно треба признати дѣломъ промышленя о тобѣ твого Ангела Хранителя.

И такъ неоспорымо суть съ нами Ангели Хранителѣ. Загрѣвайже въ собѣ вѣру тую и радуйся, беззащитный и безпомо̂чный; бо хотя и оставили тебе твои мати и отець, то Богъ прiймае тебе, и поручае твое земне воспитанье свому Ангелу, котрый назирае тебе на всѣхъ дорогахъ твоихъ, и неуклонно веде тя до *Отця всяческихъ*. Радуйся бѣдный и пониженый, бо хотя ты пониженый межи людьми, но не у Бога, и маешь прiятеля о̂тъ Него, котрый служитъ тобѣ вѣрнѣйше, якъ найвѣрнѣйши̑ земни̑ прiятелѣ, и зо̂стане вѣрнымъ тобѣ, хотьбы всѣ люди о̂твергли тебе. Радуйся и богатый; бо и въ той часъ, коли разомъ зъ богатствомъ опустятъ тебе и прiятелѣ твои̑, тебе не опуститъ Ангелъ Хранитель тво̂й, котрый охоронитъ душу твою о̂тъ злого, и исповнитъ ю преданностiю до даючого и о̂то̂ймаючого. Радуйся, всяка душе христiяньска, но разомъ не забудь сповняти и свои обовязки до Бога, посылаючого тобѣ Ангела Хран., и до Ангела, що тебе хоронитъ. Дякуй Богу — не словомъ, но особливо дѣломъ и правдою; не огорчай и свого Ангела грѣхами, бо и Ангелъ о̂тступитъ о̂тъ тебе, коли ты о̂тдашься дiяволу, и зовсѣмъ забудешь вѣчне твое спасенье.

СЛОВО

на Недѣлю XXII. по Сош. св. Духа.

„*Умре же и богатый, и погребоша его.*“ (Луки гл. 16. ст. 22.)

Такій вспôльный для всѣхъ конець того житя! Умирае чоловѣкъ знаменитый и сильный, — и все кôнчится тымъ, що погребаютъ его. Умирае чоловѣкъ простый и незвѣстный, — и все также кôнчится тымъ, що погребаютъ его. Щожь то за чудна сторона, куда идутъ всѣ, и ôтки не вертаеся никто? Що съ тыми, котрî переставилися вже въ той незвѣстный свѣтъ? Що ожидае тамъ и насъ, котрымъ предстоитъ туда неизбѣжна дорога? Пытаня важнî для всѣхъ, но и нерозвязанî для всѣхъ; близькî кождому, и недоступнî ни для кого. То тайна житя и смерти людскои, котру знае тôлько Судія живыхъ и мертвыхъ. И тую то тайну для науки нашои объяснивъ самъ Господь въ приповѣсти, котру мы чули въ нынѣшнôмъ Евангельскôмъ читаню. Повторимъ ю съ увагою.

Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ, и облагашеся въ порфиру и виссонъ, веселяся на вся дни свѣтло. Нищь же бѣ нѣкто, именемъ Лазарь, иже лежаше предъ враты его гноенъ. Извѣстно само обою, що житье будуще связане съ теперѣшнымъ, якъ продовженье и плодъ его, що участь первого зависитъ ôтъ употребленя послѣдного. Для того Господь, закимъ зъобразивъ будуще состоянье двохъ представленыхъ Нимъ людей, зъображае состоянье ихъ въ житю теперѣшнôмъ. Зъ другои стороны не менче звѣстно и то, що праведна нагорода нечестію, порокамъ и злодѣйству — кара вѣчна; нагорода добродѣтели, праведнымъ подвигамъ и трудамъ — житье вѣчне. Тую правду высказуе намъ власный розумъ и совѣсть, многократно потверджае и Слово Боже. Для того Господь представляе въ примѣръ не якого нибудь великого злодѣя и явного презрителя законôвъ, и не великого праведника, передъ добродѣтелями котрого годѣ не покоритися: О участи такихъ людей не може бути и сомнѣнія; но представляе двохъ людей такихъ, котрымъ подôбна бôльша часть людей, именно — чоловѣка богатого, котрого вся вина, повидимому, була въ тôмъ, що ôнъ бувъ богатый; и убогого, котра вся заслуга повидимому, въ тôмъ, що ôнъ бувъ убогій.

Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ. Невидно, щобы богатство було придбане якими нибудь средствами негôдными, було обляте кровю або слезами ближныхъ або добуте пôдступомъ и силою; таке богатство явно взывалобы на небо. Но зъ другои стороны не видно и того, щобы оно було придбане его власными трудами. Нѣ, ôнъ *бѣ богатъ.* Самъ промыслъ Божій ввѣривъ ему богатство разомъ съ родженьемъ на свѣтъ; и вся заслуга его мала стояти тôлько въ ужитю богатства, якъ не заслуженого дара Божого. Щожь робитъ богачь съ своимъ богацтвомъ?

Облачашеся въ порфиру и виссонъ, веселяся на вся дни свѣтло: На око, тутъ нема ще переступленя. Ôнъ користувався богатствомъ своимъ такъ, якъ користуеся нимъ кождый, кому дôстаеся оно безъ

труда; живъ такъ, якъ и повиненъ жити по мнѣнію свѣта, и въ чѣмъ, пôсля суду людского, ôнъ не виненъ ни трохи. Но не такій судъ Божій; не такъ судитъ о дѣлахъ людскихъ Слово Боже. Богачь мыслитъ тôлько о тôмъ, якъ лучше успокоити тѣло, но ни слова о душѣ, для котрои ще потребнѣйше нежели для тѣла, одѣянье добрыхъ дѣлъ, и безсмертный кормъ Слова Божого. Ôнъ думае тôлько о собѣ; но нû мысли о Бозѣ, ôтъ руки котрого получивъ всѣ добра; нû слова о ближнихъ, съ котрыми належало дѣлити дары доброты Божои. Ôнъ одѣваеся въ порфиру, не мыслитъ о тôмъ, що суть тысячû, що не маютъ чимъ прикрыти наготы своей; веселится свѣтло, не думаючи о тôмъ що у другихъ цѣле житье не обсыхаютъ слезы, для котрыхъ окрухи падаючû зô стола его, булибы утѣшеньемъ; веселиться кождого дня, будьто-бы житье дане для веселости, а не для дѣятельности и трудôвъ. Довготерпеливый Господь Богъ самъ приблизивъ до него предметъ вспôвстраданя: — передъ воротами дому его лежавъ Лазарь. Но сердце его осталося безчувственне и при тôмъ видѣ; и той, такъ сказати вызывъ до добродѣтели остався безъ плода. Нѣ, не одна мнима честнôсть, а правдива добродѣтель дорогоцѣнна въ очахъ Божихъ; не одно вздержанье ôтъ злыхъ дѣлъ, а творенье дѣлъ добрыхъ цѣнится на судѣ Божôмъ: *творци закона, сіи оправдятся*. Житье вѣчне есть нагорода, котру треба заслужити трудами; а за житье бездѣльне и роскôшне, за марнотравнôсть и погубленье дарôвъ Божихъ чи можна ожидати чого, кромѣ ада?

Нищь же бѣ нѣкто, именемъ Лазарь, иже лежаше предъ враты его гноенъ: То друге лице, котрого судьба противна першому и въ житю и по смерти. *Нищь же бѣ нѣкто.* Здавалобыся, тутъ нема ще заслуги. Не видно щобы Лазарь терпѣвъ убожество добровôльно, задля царства Божого, щобы мавъ коли нибудь богатства, котрû презрѣвъ для придбаня благъ вѣчныхъ, котрыми свобôдно лишивъ користуватися другимъ, ожидаючи ôтплаты ôтъ Бога. Но, зъ другои стороны, не видно и того, щобы убожество было наслѣдкомъ его недбалости и грѣхôвъ. Нѣ, ôнъ *бѣ нищь.* Самъ промыслъ Божій судивъ ему родитися и умерти убогимъ, терпѣти убожество и болѣзнь; то крестъ вложеный ему рукою Отца небесного, котрый хотя самъ по собѣ не есть ще заслугою, но добродушне несенье его може бути вмѣнене въ высоку заслугу. Щожь робитъ убогій съ своею бѣдою? *Лежаше предъ враты богатаго гноенъ.* На лици страдальця не видно слѣдôвъ скорби о своей доли або зависти до долѣ другихъ; изъ устъ его не чути найменшого голосу недовольства и ропота, найменшого жалю на закаменѣлôсть людей; ôнъ чувствуе надъ собою руку Божу, и смиряеся пôдъ крѣпку руку Его; въ судьбѣ своей ôнъ видитъ волю Божу, и добродушно несе крестъ тяжкій вложеный на него промысломъ Божимъ; ôнъ уважае себе негôднымъ лучшои долѣ, и терпитъ страданя безъ ропоту; ôнъ видитъ передъ собою вѣчнôсть, и хвилеве щастье людей не заманюе его очей? Якъ бы для испытаня твердости духа его, ôнъ лежитъ передъ воротами богатого: Передъ нимъ прекрасный дôмъ, а ôнъ ледво находитъ мѣстце при воротахъ; ôнъ видитъ блестячû одежи богатого, а на собѣ струпы и гнôй; чуе голосы веселû и спѣвы, а самъ томится голодомъ; и — ничого не мутитъ его твердости. Но ото и тая

тверда душа, на видъ колебаеся и въ тôмъ безстрастнôмъ сердцю пробуджаеся желанье: *и желаше насытитися отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы богатаго.* Но якъ чисте, якъ святе его желанье! Ôнъ желае не по прихоти, а не для удовольствія, но для удовлетвореня природнôй потребѣ, — желае не пересытитися, но утолити тôлько голодъ; желае не роскôшныхъ и рôжныхъ стравъ богатого, но окрухôвъ падаючихъ ôтъ стола его, котрыми живилися его псы; но ôнъ не оскорбляеся и не жалуеся; коли въ цѣлôмъ домѣ богача, ôтъ пана до слуги не найшовся чоловѣкъ, котрый принявбы на себе трудъ подати ему кусокъ хлѣба. Тяжко терпѣти и тогды, коли самй буваемо причиною своихъ терпѣній; но терпѣти безвинно, терпѣти безъ найменчои участи другихъ — якій подвигъ може бути бôльшій того? Якихъ вѣнцѣвъ не заслугуе таке терпѣнье? — Но отъ и конець терпѣній убогого и радости богатого. *Бысть же умрети нищему, и несену быти Ангелы на лоно Авраамово.* Убогій умирае скорше якъ богатый; послѣдній переживае первого. Такъ милосердный Господь не испытуе чоловѣка понадъ его силы. Онъ прискоряе звôльненье угодныхъ собѣ ôтъ дочасныхъ бѣдъ, и пересиляе въ обителѣ вѣчнои радости, но съ довготерпѣньемъ ожидае покаяня нечестивого. Не сказано въ Еванг. що сталося съ зболѣлымъ тѣломъ убогого; но очищена огнемъ страданій душа Лазаря принята честными руками св. Ангелôвъ, и перенесена на лоно Авраама, въ мѣстце вѣчнои радости и щасливости. Но ото кôнчится и часъ довготерпѣня Божого для богатого. — *Умре же и богатый.* Нй богатство, нй знатнôсть не хоронятъ его ôтъ смерти, — *умре и погребоша его.* — Блескъ и пышнôсть спроводжаютъ его въ могилу. Но яка страшна перемѣна! *И во адѣ, возведъ очи свои, сый въ мукахъ узрѣ Авраама издалеча и Лазаря на лонѣ его.* Ще не успѣли покôнчити пышного погребу тлѣнныхъ останкôвъ богача, вже душа его въ другôмъ свѣтѣ; вмѣсто пышныхъ палатъ являеся въ адѣ, вмѣсто радощѣвъ знаходитъ страшнй муки. Въ первый разъ нещастный звертаеся до неба, и — видитъ въ сторонѣ радости и щасливости Авраама; и ôнъ самъ бувъ потомкомъ его, и ему яко сынови Авраама належали всѣ обѣтницѣ Божй: но ôнъ утративъ ихъ черезъ безпечне, бездѣльне и роскôшне житье. Ôнъ видитъ Лазаря, котрый перше не удостоився его взору, на лонѣ Авраама, а себе въ поломѣни геены. О, съ якою радостію вернувбыся ôнъ зновъ на землю, щобы подоптати, знищити погубивше его богатство, щобы понести страданя, котрй поносивъ Лазарь: но часъ испытаня перейшовъ, дверѣ покаянія затворилися. *Отче Авр.,* закликавъ нещастный, *помилуй мя и посли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего въ водѣ и устудитъ языкъ мой, яко стражду въ пламени семъ.* Яка перемѣна въ желаніяхъ! Перше не мавъ довольно жажды и голоду, щобы спотребити множество корму и питя; теперь жажде однои каплѣ воды, щобы остудити языкъ. Перше не удостоивавъ и слова убогого Лазаря, теперь проситъ его помочи.

Рече же Авраамъ: чадо помяни, яко воспріялъ еси благая въ животѣ твоемъ. Нещастный хотѣвъ бы знищити всякій споминъ о прежнôмъ житю, но ему говорятъ: помяни. Такъ память прежного житя причинитъ новыхъ мукъ до мукъ осудженыхъ. *Помяни, яко пріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ.* Ты шукавъ знаменитости и славы,

и — сталося якъ желавъ есь; твое имя величалося на земли: Ты шукавъ удовольствій, и — находивъ ихъ, шукавъ радощѣвъ и мавъ есь ихъ: *воспріялъ еси благая въ животѣ твоемъ. А Лазарь такожде злая:* ôнъ не любивъ свѣта, и свѣтъ ôтвергавъ его; не шукавъ роскошей свѣта и не видѣвъ ихъ въ цѣлôмъ житю; ôнъ памятавъ о Бозѣ, и полюбивъ житье вѣчне; то само и дано ему: *нынѣ же здѣ утѣшается, ты же страждеши.*

Такій станъ житя теперѣшного и будучого, така тайна житя и смерти! Щастливый, кто середъ достаткôвъ въ свѣтѣ досвѣдчае жажды воздержаня, середъ богатствъ памятае на нужду бѣдности, середъ почестій на смиренность; у кого свѣтовѝ радости не заглушаютъ памяти о смерти! Онъ щастливый и тутъ, буде щастливый и тамъ. — Но дуже нещастный той, кто середъ нещастя не умѣе укрѣпити себе христіяньскимъ мужествомъ и терпѣньемъ, кто ôтъ горестій теперѣшныхъ тратитъ память о радостяхъ будучихъ.

ЕНЦИКЛИКА

Папа Левъ XIII.

до всѣхъ Патріархôвъ, Примасôвъ, Архіепископôвъ и Епископôвъ католического міра, котрѝ остаютъ въ благодати и союзѣ съ апостольскимъ престоломъ.

(Конець.)

По семъ повернувъ Методій по приказу папы яко Епископъ до Моравіи до обовязкôвъ свого апостольского уряду. Въ сей области бувъ ôнъ примѣромъ своему стаду, а надъ тое старався ôтъ души ревно католическôй справѣ служити, — неустанно противъ новаторôвъ боротися, князя Святополка, наслѣдника Ростислава въ религіи выховувати, тогоже коли онъ своихъ обовязкôвъ не сповнявъ, напоминати а въ кôнци и ôтказаньемъ святыхъ тайнъ карати; за для того стягнувъ ôнъ на себе ненависть мерзенного и нечестного тирана, котрый го въ заточенье выславъ. Опôсля ôткликаный допнявъ черезъ отвѣтнѝ наставленя того, що князь давъ признаки змѣны успособленя и пôзнавъ, що муситъ давну привычку черезъ нове житье поправити. Дѣйстно есть се чудеснымъ, що печалива любовъ Методія розширялася и по границѣ Моравіи, и якъ она за житя Кирилла Либурисôвъ и Сербôвъ обгорнула, такъ теперъ обняла Панонейцѣвъ, котрыхъ князя Коцела ôнъ въ католическôй вѣрѣ обучавъ и въ еи послусѣ удержувавъ, не менче и Болгарôвъ, которыхъ ôнъ якъ и ихъ короля Бориса въ вѣрѣ хрістовôй утвердивъ, а и Далитарôвъ, котрыхъ ôнъ дарôвъ небесной благодати сподобивъ, въ кôнци и Карутанôвъ, межи котрыми ôнъ много трудився, щобы ихъ до пôзнаня и почитаня одного правдивого Бога привести.

Немало и грызоты наробило му сее. Неодни изъ новои хрістіяньскои громады, котри на бодри подвиги и честноту зависнымъ окомъ споглядали, очернили невинного передъ Іоаномъ VIII. наслѣдникомъ Адріяна, за для подозрѣтельнои вѣры и нарушенье звычаю предковъ, котрй при святыхъ обрядахъ только греческою або латиньскою бесѣдою а жадною иншою не послугувалися. Папа усердно дбалый о ненарушенье старои вѣры и порядку, покликавъ Методія до Риму и приказавъ му оправдатися. Коли онъ охотно, опираючись на своѣй чистой совѣсти въ р. 880 передъ Іоаномъ и колькома Епископами и мѣйскимъ священьствомъ станувъ, було му се легко довести, що онъ вѣру, котру въ присутствію и съ добромнѣніемъ Адріяна исповѣвъ, а на гробѣ св. князѣвъ Апостоловъ присягою ствердивъ, самъ твердо державъ, и въ нѣй другихъ старанно обучавъ, и що дотычно уживаня славяньскои бесѣды въ святыхъ обрядахъ дѣлавъ по справедливымъ причинамъ за произволеньемъ Папы Адріяна, и зовсѣмъ не противъ св. Писанія.— Сею обороннсю бесѣдою увольнився онъ отъ всякого подозрѣнія якоибудь вины такъ, що Папа Методія добре зрозумѣвъ и охотно затвердивъ его Архіепископску власть и Апостольство мѣжь Словянами. Кромъ того выбравъ онъ колькохъ Епископовъ, котрй мали бути подвладными Методію и ему въ справованю христіяньскихъ чинностій помочными, и одославъ го съ повнымъ почестій поручительнымъ письмомъ, и съ необмеженымъ повномочіемъ до Моравіи. Се все затвердивъ Папа и опосля въ письмѣ до Методія, коли то тойже зновъ на непріязнй напасти злобныхъ выставленый бувъ; а такъ ставъ Методій певный себе и злученый найтѣснѣйшими узами любви и вѣры съ папою и цѣлою римскою Церквію, еще пильнѣйшимъ въ справованю порученого собѣ уряду, а свѣтлй плоды его дѣланя не дали довго на себе ждати. Бо коли то онъ напередъ самъ князя ческого Борживоя, а опосля за помочію одного священника его жену Людмилю до католическои вѣры навернувъ, допровадивъ въ коротцѣ до того, що имя Хріста въ томъ народѣ широко и глубоко розкоренилося. Въ томъ самомъ времени повзявъ онъ такожь намѣренье свѣтло Евангелія въ Польщу розширити и тутъ, коли успѣшно до Галичины войшовъ, въ Львовѣ Епископскій престолъ уставовивъ.

Зъ отти удався онъ, якъ декотри подаютъ, до Москвы, и воздвигъ престолъ Епископскій въ Кіевѣ. Тыми неувядаемыми лаврами вѣнчаный вернувъ до своихъ до Моравіи, а понеже чувъ близкій свой конецъ, назначивъ собѣ самъ наслѣдника и заохотивши священьство и народъ своимъ послѣднымъ поученьемъ до честноты, розстався спокойно зъ житьемъ, котре для него дорогою до неба було.

Згадка на тіи дѣла була для Насъ всечестнй братя дуже пріятна, и Мы чувствуемося глубоко тронутыми, коли споглянемо на славный и свѣтлый початокъ соединеня славяньскихъ народовъ съ римскою Церквію. Бо тіи два ширителѣ Хрістового имени, о котрыхъ говорилисьмо, выйшли вправдѣ зъ Константинополя до поганьскихъ народовъ, но ихъ посланичество мусѣло черезъ сей апостольскій престолъ, яко осередокъ католическои едности, або въ загалѣ бути припорученымъ або, що частѣйше сталося, правно и свято одобренымъ. И въ самомъ дѣлѣ зложили они тутъ, въ мѣстѣ Римѣ, справу зъ свого уряду и от-

повѣли на клеветы; тутъ заприсягли они на гробѣ Петра и Павла католическу вѣру; тутъ получили они епископскій чинъ и власть, заложити святе царство съ задержаньемъ розличія посвящень. Тутъ выеднано наконець уживанье славяньского языка при св. богослуженію и въ тôмъ роцѣ минае десяте столѣтіе, ôтъ коли папа Іоанъ VIII. до Святополка, князя Моравіи, написавъ: *„Славянскій языкъ, въ которôмъ приналежна Богу хвала гомонитъ, похваляемо справедливо, и приказуемо, щобы власне въ тôмъ самôмъ языцѣ хвала и дѣла Господа нашого Іисуса Хріста оповѣдалися. И ничо не противится правдивôй вѣрѣ або католическôй Церкви, литургію въ тôмъ самôмъ славяньскôмъ языцѣ спѣвати або святе евангеліе и чтенія старого и нового завѣта въ добрôмъ переводѣ читати и всяке инне богослуженіе ôтправляти."* Тотъ звычай одобривъ по довгôмъ времени Венедиктъ XIV. своимъ апостольскимъ письмомъ зъ 25. августа 1754 р. — И якъ часто князѣ, котрѝ на чолѣ, трудами св. Кирілла и Методія до вѣры хрістіяньскои наверненыхъ народôвъ стояли, римскихъ Папъ о помôчь просили, не ôтказали тіи нѝколи своеи благосклоннои помочи и дружеского поученія, искреннои рады и найлучшои волѣ въ всѣмъ, де тôлько могли. Передвсѣмъ же Ростиславъ, Святополкъ, Коцелъ, св. Людмилля и Богорисъ зазнали ôтповѣдно до часу и обстоятельствъ знаменитои любови ôтъ Нашихъ попередникôвъ.

Съ смертію Кирілла и Методія не устала ани не зменшилася отеческа опѣка римскихъ папъ надъ славяньскими народами, противно блистала всегда черезъ збереженье святости религіи и охороненье ихъ публичного добра. И въ самôмъ дѣлѣ пôславъ Николай I. до Болгарôвъ священникôвъ, котрѝ народъ объучали, и Епископôвъ зъ мѣста Риму для удержаня порядку въ новôй христіаньскôй громадѣ; такъ само удѣлявъ сейже папа при частыхъ спорахъ Болгарôвъ що до святого права повну любови ôтповѣдь, въ чôмъ навѣть тіи, котрѝ римскôй Церквѣ менше суть приклонными, высоку мудрôсть съ похвалою признаютъ. А по сумнôмъ и нещастнôмъ розъединеню удалося Иннокентію III. Болгарôвъ съ католическою Церквою знова соединити, Григорію же IX., Иннокентію IV., Николаю IV., и Евгенію IV. ихъ въ полученôй благодати и на дальше удержати. — Такъ само оказали нашѝ попередники и къ набавленымъ ложными науками Боснійцямъ и Герцоговинцямъ въ особенный спосôбъ свою любовь, именно же Иннокентій III. и Иннокентій IV., котрѝ старалися ложне ученіе зъ сердець выкоренити, Григорій IX., Климентій VI., и Пій II., котрыхъ стараньемъ було, благодать святои власти въ тыхъ сторонахъ утвердити. Не меншу и не послѣдну печаливôсть оказали Иннокентій III., Николай IV., Венедиктъ XI. и Климентій V. около Сербôвъ, ôтъ котрыхъ они хитро обдумане обманство для потрясеня религіею печаливо ôтвертали. Такожь Дальматинцѣ и Ливорнійцѣ (Liburner) удостоилися за-для своеи постоянности въ вѣрѣ и за для своеи услужливости ôтличнои приклонности и великои похвалы ôтъ Іоанна X., Григорія VII., Григорія IX. и Урбана IV. На конець находится и въ сирмійскôй церквѣ, котра въ шестôмъ столѣтію черезъ напады варварôвъ збурена, пôзнѣйше однакъ черезъ св. Стефана I., короля угорского — знаного

зъ своеи побожнои ревности, ôтновлена зôстала, многiи памятники приклонности Григорія IX. и Климентія XIV.

Для того признаемо, щосьмо обовязанiи Богу благодаренье за тое, що давъ Намъ ôтповѣдну способнôсть славянскимъ народамъ зробити прислугу, и для ихъ загального хôсна съ неменшою ревностію дѣлати, якъ то и за нашихъ попередникôвъ дѣялося. Бо Мы о тое тôлько стараемся, сего одного усердно бажаемъ, до того съ всѣмъ усиліемъ стремимо, щобы славяньски народы бôльшимъ числомъ владикъ и священникôвъ були поучанiи, щобы були скрѣпленiи въ исповѣданю правдивои вѣры и въ послусѣ единôй хрістовôй церквѣ и щобы черезъ власный досвѣдъ съ кождымъ днемъ пôзнавали, якъ превеликiи добра зъ установъ католическои церкви такъ для домового пожитя якъ и для всѣхъ станôвъ державы сплываютъ. Тая то Церковь найбôльшои дôзнае нашои печаливости, и нема ничого, чого бы Мы усерднѣйше бажали, якъ щобы Мы о еи благо и гараздъ печалилися и всѣхъ постояннымъ едности узомъ, котра есть и найлучшою порукою гаразду съ Нами злучити могли. Кобы то Всемилостивѣйшій Богъ бувъ прихильнымъ нашому намѣренію и вспиравъ дѣло роспочате. Мы про тое звертаемся до св. Кирилла и Методія, Учителѣвъ Славянъ, щобы були къ Богу нашими посередниками и уповаемъ що ихъ небесный покровъ намъ поможе, коли ихъ богослужебне почитанье умножити хочемо.

Повелѣваемъ про тое, щобы въ день 5. Липця, котрый то день уже бл. п. нашъ попередникъ установивъ, въ мѣсяцесловѣ римскои и и цѣлои церкви вложенымъ и празднованымъ було свято Кирилла и Методія съ Officium ritus duplicis minoris и съ Missa propria якъ установила конгрегація св. обрядовъ.

Васъ же всѣхъ Всечестніи братя обовязуемъ, щобысьтеся постарали о оголошенье сего Нашого посланя, и щобысьте приказали всѣмъ до стану священническаго належачимъ, котрiи пôсля обряду церкви римскои officium divinum отправляютъ, абы все тутъ приписане въ своихъ церквахъ, провинціяхъ, мѣстахъ, діецезіяхъ и монастиряхъ заховували. Въ кôнци есть се нашою волею, щобы за вашою заохотою и за вашимъ порученьемъ св. Кирилла и Методія въ молитвахъ всѣ призывали, щобы они своею ласкою у Бога справу христіяньску въ цѣлôмъ востоцѣ защищали, католикамъ постоянности а схизматикамъ (доброи) волѣ умолили къ позысканю прежнои едности съ церквою правдивою.

Повелѣваемо се, все охотно и сильно держати, не маючи на цѣли симъ противорѣчити установленямъ нашого попередника святого папы Пія V. и прочимъ апостольскимъ установамъ о Реформаціи римского breviarium и missale и древнымъ звычаямъ ни чому небудь инному.

Яко знакъ небесной благодати и залогъ нашои особеннои благосклонности удѣляемъ вамъ всѣмъ, всечесни братя и всему Вамъ порученому клирови и народови, повне любови о Господѣ Наше апостольске благословеніе.

Дано въ Римѣ у св. Петра 30. Септ. 1880 въ третôмъ роцѣ нашого понтифікату.

Левъ XIII. Папа.

Науки катихитичнѝ.

(*І. Гороцкій.*)

НАУКА XXII.

О десятôмъ членѣ Символа вѣры.

„*Покайтеся, и да крестится кійждо васъ во имя Іисуха Христа въ оставленіе грѣховъ.*“ (Дѣяп. 2. 38.)

Христіяне!

Десятый членъ исповѣданя вѣры есть: *Исповѣдую едино крещеніе въ оставленіе грѣховъ.* Сей членъ учитъ насъ и мы нимъ исповѣдуемъ, що въ Тайнѣ Крещенія оставляются и отпускаются грѣхи, а именно грѣхъ первородный, и всѣ иншѝ, которѝ бы кто передъ крещеніемъ пополнивъ. Се однако, якъ ся дѣе, широко толкуе наука о самôй Тайнѣ Крещенія, и мы ю, дасть Богъ, въ своимъ часѣ услышимъ. Потребно однако, щобысьмо ту въ тôмъ исповѣданю той вѣры нашой утвердили и укрѣпилися.

И такъ що въ Крещенію св. оставляются, якъ власне въ семъ членѣ съ Церквою св. исповѣдуемъ, грѣхи, въ томъ утверджаемся изъ науки св. Апостола Петра: „*Покайтеся, и да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Хріста въ оставленіе грѣховъ.*“ (Дѣян. 2. 38.) Апостолъ не выключае ніякого грѣха, даже и отъ его слушателѣвъ пополненого Богоубійства, до котрого предовсѣмъ тѝ слова ôтносятся. И св. Апостолъ Павелъ приписуе Крещенію въ дѣйствіе отпущенье всѣхъ грѣховъ. Въ посланію къ Римлянамъ (6, 2—10, и 8, 1) учитъ тойже, що крещеніе есть гробомъ грѣха, и що у тыхъ, котрѝ крещеніемъ соединенѝ съ Хрістомъ нема ничого заслугуючого на осудженье, що затôмъ крещеніемъ очистилися отъ всякого грѣха, и спасеніе получатъ; такъ якъ зостаючѝ въ грѣхахъ осудженѝ будутъ. И такъ щобы осудженя избѣгнути, изъ того самого зновъ слѣдуе, що треба бути кождому окрещеннымъ. Се изъясняе самъ Спаситель, коли такъ до Никодима говоритъ: „*Аминь глаголю тобѣ, аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе.*“ (Іоан. 3. 5.) Тутъ пôдъ рожденіемъ водою и духомъ розумѣеся крещеніе, и о тôмъ самôмъ крещенію водою и духомъ ясно повѣдае ту Спаситель, що безъ него никто, отже ни дорослый ни дитина, не може въ царствіе Боже внійти, або спасенымъ бути; потребно протое доконче бути окрещеннымъ. И до того то вознамѣряе заповѣдь Іисуса Хріста, которую Онъ Апостоламъ своимъ, посылаючи ихъ на проповѣдь въ весь міръ, давъ: дабы ишли, учили вся языки и крестили ихъ: „*Шедше,*“ говоритъ, „*научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и святого Духа.*“

Одного дня (Дѣян. 8.) прійшовъ до Филипа, котрый бувъ ревнымъ проповѣдникомъ Евангелія и Апостоломъ Хрістовымъ, Ангелъ, и сказавъ ему: „Востани и иди на полудне, на путь сходящій отъ Іеруса-

лима въ Газу.“ Сей часъ вставъ Филипъ и пôйшовъ тамже. Въ тôмъ видитъ переѣзжаючій вôзъ, въ котрôмъ, якъ показалося, сидѣвъ скарбникъ Кандакіи, царици Муриньской, который прійшовъ бувъ въ Іерусалимъ, Богу поклонитися. Той мужь повертавъ теперь до дому, и ѣдучи читавъ Исаію пророка. Духъ Господень побудивъ отже Филипа, приступити до воза. Филипъ послушный тому побудженю, побѣгъ спѣшно и услышавъ, якъ уважно и ясно той подорожный славное мѣстце изъ Исаіи читавъ. Смѣло протое пытаеся его: „розумѣешь то, що читаешь?“ — Скарбникъ ôтповѣвъ: „Якжежь я можу розумѣти, если мене никто не наставитъ?“ Ты безъ сомнѣнія говоритъ до Филипа, будешь розумѣти, бо есь Израилтянинъ; сѣдай отже со мною, и выясни менѣ сіе темное мѣстце. Сидѣли уже разомъ, а скарбникъ читавъ еще разъ то мѣстце пророка; було же оно се: „Яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ прямо стригущаго его безгласенъ; тако не отверзаетъ устъ своихъ; въ смиреніи его, судъ его взятся. Родъ же его кто исповѣсть? яко вземлется отъ земли животъ его.“ Скажи ми теперь, добрый чоловѣче, прошу тя, о кôмъ маеся се мѣстце розумѣти? Чи пророкъ говоритъ ту о собѣ самôмъ, чи о кôмъ иншôмъ? выясни ми се?

Филипъ ôтповѣвъ съ подвиженьемъ души: Се есть одно изъ славнѣйшихъ пророчествъ, и оно не давно тому на Іисусѣ, истиннôмъ Мессіи, который нынѣ уже есть въ небѣ, и которого я власне слугою есмь и свѣдкомъ чудеснѣйшимъ способомъ сповнилося. Бувъ ôнъ найневиннѣйшимъ и найсвятѣйшимъ изъ людей, зôставъ однакъ изъ зависти и лукавства передъ судомъ жидôвскимъ и передъ Пилатомъ обвиненый и на смерть осудженый; но онъ терпѣвъ и мовчавъ на тото всё: оставъ роспятый и погребеный. Третого дня воздвигъ его Богъ отъ гроба и превознѣсъ его на небеса: много тысячей начало въ науку его вѣрити, и житя вѣчного надѣятися. Въ тôмъ, коли такъ Филипъ исторію Іисуса Хріста оповѣдае, повстало въ скарбнику живе желанье, такожь ученикомъ и исповѣдникомъ того божественного Искупителя остати. Ѣдучи же пріѣхали надъ рѣку, котра по при дорогу текла, а скарбникъ каже до Филипа: „Се вода, что возбраняетъ ми креститися.“ Филипъ же ôтповѣвъ: „аще вѣруеши отъ всего сердца твоего, мощно ти есть“; „Вѣрую“, отповѣдае скарбникъ, „Сына Божія быти Іисуса Хріста.“ Сказавъ отже стати, и оба удалися на рѣку, влѣзли въ воду, и Филипъ окрестивъ скарбника. По тôмъ всемъ восхитивъ Духъ Божій Филипа и унѣсъ его скоро отъ того мѣстця, а скарбникъ узнавъ благодарнымъ сердцемъ, що се була найщасливѣйша хвиля его житя и ѣхавъ дальше съ радостію.

Однако слышачи тую дивную исторію пытаюся васъ любезніи! що можете изъ ней научитися? Чи бувъ бы Богъ пôславъ Ангела до Филипа, котрый ему повѣвъ ити въ дорогу и скарбника до крещенія приготовити, скоробы крещеніе всѣмъ, даже побожнымъ и праведнымъ людямъ не було потребнымъ! И яка благодать дана симъ скарбникови? Богъ не бувъ ему той благодати довженъ, однако здѣлавъ му ю зъ самой благости и щедрости своей. И вамъ такожь и всѣмъ иншимъ здѣлавъ Онъ тую благодать. О почитуйтежь себе за щасливыхъ, и благодарѣтъ всеблагого Бога по всѣ дни житя вашого за ню;

пôзнайте, що той день, которого водою отродженя вы остали омытй отъ скверны грѣха первородного, бувъ найщасливѣйшимъ зъ цѣлого вашого житя; що онъ бувъ начаткомъ вашого спасенія и основою вашои надѣи.

Руководная мысль годичного Устава.

(Продолженье.)

XXX. *Переходъ къ второй половинѣ осенного между-періода: отъ св. ап. Луки до св. ап. Филипа.*

Любезный Друже!

Въ первой половинѣ осенного между-періода поучалъ насъ Уставъ двома наворотами, що въ книгахъ апостольского благовѣствованія не вся христіяньская проповѣдь написана. Именно дня 26. Септембрія читано на Утрени и на Литургіи извѣщеніе празднуемого св. ап. Іоанна Богослова: „Суть же и ина многа, яже сотвори Іисусъ, яже аще бы по единому писана быша, не самому мню всему міру вмѣстити пишемыхъ книгъ.“ И 6. Октоврія, въ день памяти св. ап. Ѳомы голошено на литургіи другое подобное извѣщеніе св. ап. Іоанна: „Многа же и инна знаменія сотвори Іисусъ предъ ученики Своими, яже не суть писана въ книгахъ сихъ. Сія же писана быша, да вѣруете, яко Іисусъ есть Хрістосъ Сынъ Божій, и да, вѣрующе, животъ имате въ имя Его.“

Апостолы писали по данымъ случаямъ въ озобныхъ цѣляхъ, якъ и Евангелистъ Іоанъ о своемъ боговѣствованію высше говоритъ: „Сія же писана быша, да вѣруете, яко Іисусъ есть Хрістосъ Сынъ Божій, и да, вѣрующе, животъ имате во имя Его.“ Що въ тыхъ даныхъ случаяхъ нужно было написати, то они и написали; прочее благовѣствованіе остало у Церквей въ благочестивомъ преданію. По сему и говорится въ Богослуженію недели Отцевъ семого Собора, що честныи и богоносныи Отцы, *предстатели евангельскихъ ученій и благочестивыхъ преданій*, сошедшися отъ всѣхъ концевъ земли, *просвѣтили* въ шести Соборахъ короткими словами и многимъ розумомъ *всю* богонаученную вѣру Нового Израиля — розумѣется просвѣтили еѣ такъ по евангельскимъ ученіямъ якъ и благочестивымъ преданіямъ.

И такъ, богонаученную вѣру Нового Израиля узнавай изъ соборныхъ рѣшеній Церкви, евангельскіи же ученія и благочестивыи преданія должны служити тобѣ источниками утвержденія въ той же вѣрѣ.

За тымъ, во второй половинѣ между-періода осенного: отъ св. ап. Луки до св. ап. Филипа, иде бесѣда о *единствѣ вѣры* по словамъ евангелія на литургіи недели Отцевъ семого Собора: „Отче Святый! соблюди ихъ во имя Твое, ихже далъ еси Мнѣ, да будутъ едино, яко же и Мы.“

Въ особенности говорится тутъ о евангельскихъ ученіяхъ и благочестивыхъ преданіяхъ, а тіи послѣдніи подроздѣляются на книги литургическіи и письма св. вселенскихъ Отцевъ.

Соотвѣтно тому маемъ во второй половинѣ осенного между-періода: а) дня 18. Октоврія память св. ап. и евангелиста Луки, б) 23. Октоврія память св. ап. Якова, брата Господня, первого Іерусалимского пастыря и учителя и *вѣрного* строителя Таинствъ духовныхъ, т. е. первого литургиста, в) потомъ идутъ рядовыи недели: 19, 20 и 21, дальше г) 8. Ноемврія Соборъ св. Архістратига Міхаила и прочихъ безплотныхъ Силъ — по мысли молитвы св. Василія Великого „Иже на всякое время": „огради насъ святыми Ангелами Твоими, яко да, ополченіемъ ихъ соблюдаеми и наставляеми, достигнемъ въ *единство* вѣры и въ разумъ *неприкосновенныя* Твоея славы"; д) 13. Ноемврія память преставленія „Иже во святыхъ Отца нашего Іоанна Златоустого, архіепископа Константина града"; наконець е) 22. рядовая неделя.

Память св. Велико-Мученика Димитрія мироточца дня 27. Октоврія не мае въ годичномъ Уставѣ выдатнѣйшого значенія. У насъ она празднуется по той причинѣ, що св. Димитрій — Солунянинъ и заступникъ Солунской церкви, которая дала Славянамъ Апостоловъ: святыхъ Кирилла и Методія.

Пращай

XXXI. — *а) 18. Октоврія.*

Любезный Друже!

Днесь у насъ память св. Апостола и Евангелиста Луки. Онъ былъ первоначально лѣкарь и маляръ: первое говорится межи иными въ апостолѣ дня: „Лука врачь." — другое въ свѣтильнѣ дня: изобрази отъ любве божественную икону Богородицы." Христіянства же учился св. Лука у Самого Спасителя, надлежавши въ почетъ Его семдесяти молодшихъ учениковъ, послѣ же былъ онъ сподвижникомъ Апостола Павла. Именно онъ то былъ тымъ ученикомъ, которому, идущому по воскресенію Іисусовомъ съ Клеопою въ Еммаусъ, Спаситель явился на пути, и „начавши отъ Мойсея изъ всѣхъ пророковъ изъяснялъ сказанное о Немъ во всемъ Писаніи." Евангелистъ самъ то росказуе въ книзѣ своего благовѣствованія 24, 13—32.

Чтенія дня намъ уже знакомы: именно пареміи тіи же, що и св. Ѳомѣ дня 6. Октоврія; Евангеліе то же, що и Апостолу Ананію въ 1. Октоврія на Литургіи; только апостолъ новый, я наведу его въ своемъ мѣстци.

Нынѣшніи *Пареміи*, хоть уже были 6. Октоврія, но тамъ я о нихъ близше не говорилъ, они бо приходятъ въ року частѣйше въ памятныи дни многихъ Апостоловъ, и я оставилъ собѣ поговорити о нихъ днесь, бо днесь на нихъ все поученіе стоитъ.

Евангелистъ Лука вводитъ свою книгу благовѣствованія такъ: „Якъ уже *многіи* начали составляти повѣствованія о *совершенно* извѣстныхъ между нами событіяхъ, якъ предали намъ то *бывшіи зъ са-*

мого начала самовидцями и служителями Слова, то розсудилось и мнѣ, по *старанномъ* изслѣдованію всего зъ начала, по порядку описати тобѣ, достопочтенный Ѳеофилъ, щобы ты зналъ *твердое основаніе* того ученія, въ которомъ былъ наставленъ."

То говоритъ намъ и нынѣшняя *первая паремія* о всей апостольской проповѣди вообще: „О томъ, що было отъ начала, що мы слышали, що видѣли своими очами, що розсмотривали, и що осязали руки наши, возвѣщаемъ вамъ.

И такъ, бывши самовидцями всего, *могли* св. апостолы вообще, а евангелисты въ особенности возвѣщати намъ правду, *если только хотѣли.* Но вотъ, що дальше говоритъ ап. Іоаннъ въ той же пареміи: „И вотъ благовѣстіе, которое мы слышали отъ него, и возвѣщаемъ вамъ: Богъ есть свѣтъ, и нѣтъ въ Немъ ніякой тьмы. Если мы говоримъ, що маемъ общеніе съ Нимъ, а ходимъ во тьмѣ, то мы лжемъ, и не поступаемъ по истинѣ. Если же ходимъ во истинѣ, то маемъ общеніе другъ съ другомъ, и кровь Іисуса Христа, Сына Его, очищае насъ отъ всякого грѣха..." То значитъ: Христовыи благовѣстники характеризуютъ свое благовѣстіе такъ, що проповѣдуемый ними Богъ, въ противоположность до сплетней, ссоровъ и коверзъ языческихъ боговъ, есть всесвѣдущая и вседержащая правда, и що въ Немъ ніякой нема неправды. И ссылаючись на то, сами они заставляютъ насъ подумати о томъ, якъ бы могли они всевѣдущую и вседержащую правду проповѣдати ложію?! — Якъ бы могли они, проповѣдники всевѣдущой и вседержащой Правды, быти неискренними ко своимъ ближнимъ?! — Якъ бы могли они метати ложь въ то дѣло, за которое Сынъ всевѣдущои и вседержащои Правды невинную Свою проліялъ кровь?!

Списыватели Нового Завѣта, якъ Евангелистъ Лука замѣчае, взяли перо въ руки только тогда, якъ уже *многіи* начали составляти повѣствованіе о ихъ проповѣди — слѣдовательно они писали подъ окомъ также и людскои контроли.

Св. Писаніе привлекае къ собѣ читателя простотою рѣчи, которою св. Писаніе отличается и розличается отъ всѣхъ прочихъ писемъ оріентальныхъ авторовъ. По всѣ часы было simplex veri sigillum; такъ говоритъ и пише только conscia mens recti.

Списыватели Нового Завѣта пишутъ о собѣ и прочихъ Хрістовыхъ проповѣдникахъ безрозлично все, доброе и худое — даже и то, що Хрістосъ считалъ ихъ младенцами въ мудрости вѣка сего, якъ о томъ власне нынѣшное говоритъ *евангеліе.* И то свидѣтельствуе окончательно за ихъ вѣродостойностію.

Но *историческои правдѣ* бывае межи людьми такъ же розлично, якъ и другимъ правдамъ. Тутъ смотрятъ также и на цѣлисоотвѣтность преданія. То поле дуже широкое; смотри, щобы легкодухи и люди „злобы поднебесной" тебе тутъ не обманули! Подобное предъостереженье далъ намъ Уставъ еще 15. рядовой недели: Жидовскіи книжники и Фарисеи испытовали Хріста на основаніи Закона и Пророковъ; но якъ увидѣли, що Спаситель на томъ основанію твердо стоитъ, то рѣшили они межи собою: Не можемъ назвати тебе лгуномъ, то постараемся изтоптати тебе ногами.

Подобное дѣется и днесь съ историческою правдоюХристіянства. Изъ премногихъ примѣровъ наведу тобѣ содержаніе сочиненія д-ра Schweitzer-а: Zeitgeist und Christus — якъ бо видишь, онъ ставится толкователемъ и защитникомъ духа времени.

Zeitgeist — матеріялистъ, вотъ онъ самъ то повѣдае слѣдующими словами: „Когда я говорю о матеріялизмѣ, то само собою розумѣется, я маю тогда на мысли обдуманное матеріялистическое свѣтозрѣніе, а не то модерное его явленіе, которое часто встрѣчается у людей молодыхъ, въ особенности же у студентовъ медицины, и просто въ томъ состоитъ, що они нечаянно перемѣняются въ противниковъ всѣхъ идеальныхъ стихій: передъ хвилею сами ихъ превозносили, и вотъ внезапно оглашаютъ ихъ съ высокомѣріемъ за побѣжденныхъ, презираютъ высокоумно всѣмъ, що не есть чисто вещественнымъ, и боготворятъ съ грубостію и надмѣрнымъ самолюбіемъ незвычайно скотинную свою природу.“

О Христѣ и Христіянствѣ мнѣніе Zeitgeist-а слѣдующее: „Видится, що въ оное время, якъ жидовскій народъ навѣрно выжидалъ Мессіи, многіи представлялись ему въ томъ характерѣ; но доперва *великому* (erhabenen) Основателю христіянской религіи повелось посредствомъ новои, рѣшительнои и *глубокозадуманнои* науки проложити дорогу для потрясающого міромъ измѣненія.“ — Zeitgeist противенъ Христіянству не яко такому, а по той причинѣ, що оно становится откровеніемъ, Zeitgeist же ніякой откровенной религіи знати не хоче, бо она „занимается вопросами, которыи опытомъ провѣряти не можно, относятся бо ко свѣту, для которого мы тутъ на земли не маемъ потребного смысла и его даже и мати не можемъ.“ — При совершенной неизъяснимости нашого свѣта въ его цѣлости и существованію Zeitgeist безусловно признае со всѣмъ ученымъ міромъ, що въ поодинокихъ случаяхъ муситъ насъ досягати якій-то другій свѣтовый порядокъ, отмѣнный отъ нашого; но такъ якъ мы никогда не можемъ провѣрити, въ которыхъ случаяхъ тотъ другій свѣтовый порядокъ насъ досягае, а въ которыхъ только простое межи нами заходитъ недоумѣніе, що или потребныхъ для изъясненія фактовъ не знаемъ еще матеріяловъ, или не знаемъ ихъ природного отношенія, що всегда безусловно належитъ предполагати: то Zeitgeist резигнуе на всякое откровеніе. Онъ признае, що слѣдствія естественныхъ наукъ не противорѣчатъ метафизическимъ догматамъ религіи: найбольшій испытыватель и знатокъ природы може быти заразомъ и найслѣповѣрнѣйшимъ католикомъ, но систематически-науково образованый духъ времени противится *вѣрованью,* бо оно ослабляе порывъ къ самостоятельному мысленью.

Ты просишь у Zeitgeist-а изъясненія, по якому оно межи людьми дальше быти должно? Онъ повѣдае, нехай все дальше иде дорогою, куда само наставилось. Онъ знае только одно навѣрно, що „клятва злодѣю, который осмѣлился бы, простою силою прикоснутись до дорогоцѣнности (религіи), которая есть миромъ его (простолюдина-неука) души, отрадою его сердця. — Сила суровыхъ голосовъ, ни топоры кровожадныхъ палачей не успѣли розрушити олтарей; но прійде тотъ часъ, они обрушатся и упадутъ сами собою въ слѣдствіе поступающого розвоя обще-европейской цивилизаціи. — Естественныи науки

вредятъ Догматицѣ: а) осторожнымъ своимъ методомъ, б) высокимъ и многостороннымъ интересомъ, якій возбуждаютъ, напослѣдокъ в) соціяльными слѣдствіями своихъ практическо примѣненыхъ результатовъ."

Ты кажешь ему: То звучитъ слишкомъ учено, я прошу сказати мнѣ „практически-примѣненно"! — Zeitgeist отвѣчае: „*Вѣра въ Бога и безсмертность души стоитъ* по опыту *твердо*, хотяй она основана больше на чувствѣ, якъ на умѣ!" — Дальше будутъ дѣйствовати науковыи знанія. — Одна только бѣда, що метафизическая потреба понимати свѣтъ въ цѣлости и существованью буде у людей всегда на дневномъ порядку, и по той причинѣ Zeitgeist увѣренъ, що, когда упаде авторитетъ религій откровенныхъ, суевѣріе въ звѣстномъ смыслѣ буде въ большомъ еще курсѣ, якъ передъ тымъ. — Но суевѣріе суевѣрію неровно; системизованное суевѣріе въ характерѣ религіи есть много вреднѣйшимъ, якъ другіи суевѣрія, которыи якъ грибы ростутъ и гинутъ. — Глубокая и многотрудная философія обмежится всегда только на малыи кружки, однакожъ, роздумавши, що и сама найлучшая и найглубшая философія только весьма мало може намъ подати въ сровнанію съ тымъ, що, идеально взявши, она намъ должна бы подати, то розличія межи глубокою а мелкою, межи правдивою а ложною философіею въ извѣстномъ смыслѣ вообще изчезаютъ. — Вотъ, що безсомнительно дальшая бѣда: „Ужасный признакъ нашой человѣческой природы, що и самое чистѣйшое не може исполнитися чисто, ни самое найвысшое безъ порока. — Къ сожалѣнію поучае опытъ, що лукавыи стихіи въ человѣцѣ, вообще взявши, столько маютъ представителей, що, давши имъ волю, всякая управненная личная свобода, всякій порядокъ и успѣваніе образованія сталисъ бы невозможными. — Несовершенство нашой природы выходитъ на явъ найразительнѣйше тогды, когда многіи людскіи силы должны дѣлати за-одно: найглупѣйшое предрозсужденіе подурачитъ народы на цѣлыи человѣческіи вѣки, и дальше. Явленіе то сумное; но его не отмѣнишь! Самоволя въ намѣреніяхъ! Самоволя въ понятіяхъ!" — Когда религія свой авторитетъ потеряе, нужно и должно буде весь карный кодексъ въ полной удерживати дѣятельности, и также „не обойдется безъ звѣстного психичного давленія, которое, по образу религіи вызыскуючи самолюбіе людей, по крайной мѣрѣ внѣшно исправляло бы меньше благородныи натуры въ пользу всѣхъ."

Таковый короткій смыслъ долгои бесѣды Zeitgeist-а! — Пропала твоя пересторога, старый Теренцій: Des operam, ut cum ratione insanias! — смотри, щобъ ты дурачился по умному! Вотъ смотри, якъ Zeitgeist уничтожае религію, щобы на еи мѣстци поставити религію, психическое бо его давленье, гальма, гамулецъ, тормозъ, чи якъ иначе еще его назвешь, все то була бы религія, но безъ авторитета, освящающого еѣ.

Тожъ совѣстнѣйше поступилъ собѣ Ренанъ въ новѣйшомъ сочиненіи „Антихристъ", называючи рѣчь точно по принятому еи имени: „Я вѣрую теперь больше, якъ когда либо, що религія субъективнымъ прельщеніемъ нашой природы не есть, но що она отвѣтствуе внѣшной дѣйствительности, и що тотъ, кто внушеніямъ еи послѣдуе, правдиво исполненъ духа."

Zeitgeist прельщае себе и насъ, що по уничтоженію авторитета откровенной религіи буде суевѣріе больше якъ теперь множитися, но оно буде якъ грибы рости и гинути, и то буде меньше вредливымъ, якъ системизованное суевѣріе въ характерѣ религіи. А Ренанъ повѣдае, що „благо людей требуе весьма рѣдкой перемѣны ихъ мнѣнія, бо общое свѣдѣніе може страшно омахнутись и мнѣніе возмутитися“ — якъ не загальмуешь, то готово все въ одной хвилѣ рунути въ безвыходную пропасть!

Ренанъ — то и перся, повести все назадъ къ „первоначальному, чистому Христіянству, которое съ теченіемъ времени розличными измѣненіями замутилося.“ — Но просто никто другій, а матеріялистическій историіеграфъ культуры — Геллвалдъ, повѣдае: „Не то намъ подносити на видъ, що первоначальная чистая идея Христіянства въ теченію времени многими измѣненіями замутилась, а то, що, не взираючи на замученье, она до сей поры удержалася!“ — Въ другомъ же мѣстци онъ такъ говоритъ: „Столь любимое днесь розличанье понятій церкви и религіи полезно только для тыхъ, котрыи о томъ одномъ и промышляютъ, щобы подорвати вѣру; исторія культуры о томъ не вѣдае, щобы можно было уничтожити власть духовенства, не нарушаючи религіи. — Не обманювати намъ себе, націи стоятъ на религіи“ — хоть и у того Геллвалда религія есть суевѣріе. Мой насмѣшникъ повѣдае по своему: „Богословіе — то одежа религіи, которая сама собою такъ же нага, якъ и правда!“

И такъ, еще иныи вздумали составити систему „религіи природной“ — а мой насмѣшникъ каже на то: Религія природная, кажется, стоитъ въ такомъ же отношенію къ религіямъ позитивнымъ, якъ законъ природы къ позитивнымъ законамъ въ людскомъ обществѣ. Нѣтъ общества основанного на самомъ закону природы, всюда необходимо нужны также и законы позитивныи. Но вотъ що! мірское законодательство примѣняется всегда къ степени культуры; религія, властиво же церковь если бы также такъ хотѣла дѣлати, тогды святость религіи низойшла бы на такъ зовымыи Modeartikel! Нѣтъ, умствованье въ религіи должно имѣти свои предѣлы и ихъ держатися, иначе о позитивной религіи намъ и не думати!

То послѣдное мнѣніе вовсе не новое, еще бо св. Григорій Богословъ сказалъ: „Богочестіе состоитъ не въ томъ, щобы многое о Бозѣ говорити, но въ томъ, щобъ о многомъ умѣти молчати!“ — Его досмертный другъ, св. Василій Великій, усимволизовалъ тую правду поставленьемъ іконостаса межи олтаремъ и церквою, и также завѣсою въ томъ же іконостасѣ, предостерегающою насъ, що святыи Таинства должны для насъ оставати святыми Таинствами, щобы мы въ нихъ слишкомъ не мудрствовали, бо то есть безнравственная дерзость; мы образуемъ тайно Херувимовъ, а тіи закрываютъ лиця свои, не смѣючи взырати во славу Божію!

Вотъ такъ, Друже мой, новѣйшіи искушенія вѣры нашои, научили мене: нашъ обрядъ понимати, розумѣти, любити и нимъ дорожити! А ты, Друже мой, учися изъ того, розумѣти слова нынѣшнои П. пареміи: „съ великою радостію принимайте, братія мои, когда впадаете въ розличныи искушенія, знаючи, що испытаніе вашой вѣры про-

изводитъ терпѣніе, терпѣніе же должно мати совершенное дѣйствіе, щобы вы были совершенны во всей полнотѣ, безъ всякого недостатка.“

Терпѣти — то не значитъ, дозволяти бѣдѣ, щобы дѣлала съ нами, що ей полюбится; но порядочно глядати за всеоружіемъ правды, и нимъ бѣду систематически побѣждати. А до того нужно прежде всего постояти въ вѣрѣ, и не носити медъ изъ своего улія въ улій розбойниковъ по образу устрашенной пчолы. Ты долженъ сказати собѣ, якъ покойный императоръ Николай говорилъ: „Препятствія суть на то, щобъ ихъ побѣждати!“ — или якъ говорилъ шведскій Густавъ-Адолфъ: „нужно вооружатись, якъ бы въ насъ ніякой не было вѣры, а, вооружившись, оперовати съ полною вѣрою, що съ нами Богъ!“ — Що человѣкъ есть, тымъ стается онъ черезъ общество и упражненіе своихъ силъ — говорилъ кардиналъ d' Ossat. Потреба возводитъ нашу силу, щобы мы были безъ всякого недостатка. По такому Христіянство розширено, и по такому нужно его отстаивати.

Люди, обращающіи благодать Бога нашого въ поводъ къ розпутству, были отъ первого начала — о томъ поучае тебе III. паремія. Она же и поучае тебе, якъ ты съ такими поступати долженъ: „А вы, возлюбленныи, назыдаючи себе на святѣйшой вѣрѣ вашой, молячись Духомъ Святымъ, сохраняйте себе въ любви Божой, ожидаючи милости отъ Господа нашого, Іисуса Христа, для вѣчной жизни. И къ однимъ будьте милостивы, съ розсмотрѣніемъ“ — где невѣрство больше есть послѣдствіемъ невольного ошибочного мысленя, — „а другихъ страхомъ спасайте, изторгаючи изъ огня“ — сколько и якъ можно изторгнути, — „обличайте же со страхомъ“ — избѣгаючи преувеличенья провины и личного роздраженья, — „гнушаючись даже одеждою оскверненною дѣлами по мудрствованію плоти,“ — но людьми не гнушайтеся, а спасайте ихъ.

Дальшое поученіе зри въ нынѣшномъ апостолѣ, вотъ онъ:

„Братія! со внѣшними обходѣтся благорозумно, пользуючись временемъ. Слово ваше да буде всегда съ благодатію, приправленное солію, щобы вы знали, якъ отвѣчати каждому. О мнѣ скаже вамъ Тихикъ, возлюбленный братъ и вѣрный служитель, и сотрудникъ въ Господѣ, которого я для того послалъ къ вамъ, щобъ онъ узналъ о вашихъ обстоятельствахъ, и утѣшилъ сердца ваши, съ Онисимомъ, вѣрнымъ и возлюбленнымъ братомъ нашимъ, который отъ васъ. Привѣствуе васъ Лука, врачь возлюбленный, и Дамасъ. Привѣствіе моею рукою, Павловою. Помнѣтъ мои узы. Благодать со всѣми вами. Аминь.“

То значитъ: Учися точно понимати и розличати обстоятельства и также: умѣти дѣлати съ вѣрнымъ и скорымъ успѣхомъ, щобы хорошихъ способностій не только не пропускати, или черезъ неловкое дѣланье на половину и больше теряти, но щобъ ты умѣлъ въ короткомъ времени черезъ вправное дѣланье сдѣлати многое, бо того требуе въ особенности нынѣшное время желѣзниць и телеграфовъ. Въ той цѣли должно каждое твое слово по доброжелательному не только быти задуманымъ, но также съ доброжелательностію и высказанымъ, бо нынѣ всѣ розумѣютъ, що только въ огрѣтой земли зерно прозябае, и только въ умиленномъ сердцю принимается ученіе. Каждое твое слово должно

также по благорозумному быти примѣненымъ до личности того, къ кому его говоришь, бо нынѣ кождый уже понимае, що не каждую землю управляется однако, и не каждого однакимъ научишь методомъ. А въ той цѣли удержуй себе въ безпрестанномъ точномъ знанію людей и обстоятельствъ, въ которыхъ ты долженъ дѣлати, и сообщайся безпрестанно съ кругами, съ которыми ты за-одно маешь дѣлати.

Пращай!

(Продолженіе слѣдуе.)

Семый канонъ третого вселенского Собора

и православнѝ Греки.

Посвящае Холмскимъ Миссіонерамъ

А. Д.

Слушатель св. Богословія и питомецъ вѣденьского сѣменища.

(Конецъ.)

Сказане потверджаеся тымъ бôльше, если зважимо, якои вѣры держалися Отцѣ Ефеского Собора. Св. Отцѣ того Собора одобрили выразно и приняли за свое синодальне посланіе св. Кирілла Алекс. до Несторія (тое посланіе уложене было въ имени цѣлои церкви египетскои). Въ тôмъ то посланію говорится дословно такъ: „Хотяй Духъ св. въ собственнôмъ лици существуе, и о стôлько въ собѣ самôмъ уважаеся (νοεῖται, consideratur), о скôлько есть Духомъ а не Сыномъ, то однакъ не есть ему чужій: бо ôнъ зовеся Духомъ правды, а правда (ἡ ἀλήθεια) есть Христосъ, для того исходитъ ôтъ него (καὶ προχεῖται παρ᾽ αὐτοῦ) якъ и ôтъ Бога Отца.“ То есть одно изъ многихъ мѣстць, въ которыхъ св. Кириллъ происходженье св. Духа ôтъ Отца и Сына ясно исповѣдуе (см. первую часть нашои розправы: ученіе св. Отцѣвъ). Чижь мôгъ св. Учитель о тôмъ коли и подумати, що въ силу одного изъ канонôвъ Ефеского Собора, которымъ ôнъ яко ôтпоручникъ Папы Келестина управлявъ, колись — по многихъ соткахъ лѣтъ — проклятый и ôтъ Церкви ôтлученый буде Папа за тое, що тое само вѣруе и исповѣдуе, що св. Кириллъ Алекс. вѣровавъ и исповѣдовавъ? Но щобы до нашого предмета повернути, если св. Отцѣ Ефеского Собора синодальне посланіе св. Кирілла одобрили и за свое приняли, то мусимо конечно сказати, що они въ словахъ „иже отъ Отца исходящаго“ Сына не хотѣли выключати, противно розумѣли, що Сынъ включаеся яко такій, который вслѣдствіе своеи единосущности становитъ съ Отцемъ одно начало св. Духа. Кто бы про то словамъ „иже отъ Отца исходящаго“ выключаючій членъ тôлько (хотяй бы навѣть въ мысли) додавъ, въ тôмъ значеню, що Духъ св. ôтъ самого тôлько Отца происходитъ, той — по мнѣнію Отцѣвъ Ефеского Собора — бувъ бы смыслъ тыхъ слôвъ перекрутивъ, а слѣдовательно и вѣру, Отцямъ Никейского Собора цѣлкомъ чужу, принявъ и исповѣвъ. А тое власне

дѣлае г. Антимосъ, бо ôнъ утверджае, що Духъ св. ôтъ самого тôлько Отца происходитъ. Г. Антимосъ осуджае про то самого себе, именно въ силу семого канона третого вселенского Собора въ Ефезѣ

Г. Антимосъ нехай не боронится тымъ, що ôнъ Символъ вѣры такъ исповѣдуе, якъ стоитъ ôтъ давна написано, не додаючи до Символа жадного выразного слова. Бо щобы вѣру обезобразити, достаточно есть въ мысли смыслъ слôвъ перекрутити, которû materialiter устами высказуются. Чи може думае г. Антимосъ, що вѣра увзглядняе пустый звукъ слôвъ а не словами выраженû понятія? И Евтихій (авторъ монофизитизма) рецитовавъ на псевдо-соборѣ Ефескôмъ (449) Символъ Никейскій, и клявся, що хоче въ вѣрѣ Отцѣвъ Никейскихъ жити и умирати. А помимо того осудивъ его IV. вселенскій Соборъ въ Халкедонѣ (451) яко еретика, бо зъ его науки показалося пôзнѣйше, що ôнъ исповѣдуючи Никейскій Символъ перекручовавъ въ мысли смыслъ поодинокихъ слôвъ.

Алежь додатокъ „и ôтъ Сына", отповѣдае г. Антимосъ, наноситъ Отцямъ 7. первыхъ Соборôвъ обиду, будьтобы они ученіе о св. Дусѣ несовершенно изложили. Ôтповѣдаемо: если той закидъ г. Антима мае яке значенье мати, то слѣдовательно належитъ и Отцѣвъ Констан. Собора обвиняти, що они своими многими прибавками и объясненіями Отцямъ Собора Никейского обиду нанесли. Ба и Соборъ Никейскій мусѣвъ бы тôй самôй а може еще тяжшôй провинѣ пôдпасти, понеже и ôнъ розличнû прибавки Символови Апостольскому придавъ; чого однакъ — пôсля логики г. Антима — дѣлати не мôгъ, не принявши впередъ, що Апостолы дотычно лиць и свойствъ божихъ несовершенно учили. Достойный мужъ нехай про то уважае самъ, кто скорше обижае Соборы, католическа Церковь, чи ôнъ — своими дивными теоріами.

Тое само дасться сказати и о другôй замѣтцѣ г. Антима, именно: що прибавка слôвъ „и ôтъ Сына" есть для того не дозволена, понеже она на 7. первыхъ Соборахъ не була определена. — Пытаемося г. Антима: чи думае ôнъ, що съ семымъ Соборомъ устала въ Церквѣ Христовôй всяка судейска власть въ дѣлахъ вѣры, чи може вѣритъ ôнъ, що зôсланый черезъ Христа Духъ правды, по семôмъ Соборѣ, изъ Церкви католической въ письма Фотіа помандровавъ, щобы католическу вѣру опредѣляти? То послѣдне буде, здаеся, причиною, для чого ôнъ того славного Крамолника святымъ зове — ἱερὸς Φώτιος! — Кромѣ того можемо ему еще припôмнути, щосьмо вже разъ сказали, що именно Соборъ Ефескій, одобряючи синодальне посланіе св. Кирілла, тымъ самымъ догматъ о исходѣ св. Духа и ôтъ Сына исповѣвъ. Можемо еще додати, що и Соборъ въ Халкедонѣ, вселенскій IV. то само синодальне посланіе потвердивъ; подôбно VI. и VII. вселенскій Соборъ, зъ которыхъ первый (въ 5. засѣданю) анатемою кождому грозитъ, ктобы опредѣленю Ефеского Собора и ученію св. Кирілла супротивлявся; другій знову (на 7. засѣданю) посланія св. Кирілла, яко сходнû съ католическою вѣрою, одобривъ и потвердивъ. На конець можемо ему еще пригадати, що VII. вселенскій Соборъ межи инными и листъ патріархи Констан. Тарасіа потвердивъ, въ которôмъ говорится выразно, що Духъ св. исходитъ ôтъ Отца черезъ Сына. Утверджати, що

догматъ „и ôтъ Сына“ не бувъ на 7. первыхъ Соборахъ опредѣленый, есть про то чистою ложію.

А еслибы г. Антимосъ довѣдатися хотѣвъ, для чого слова „и ôтъ Сына“ не були на 7. первыхъ вселенскихъ Соборахъ Символови приданй, то скажемо ему коротко: бо сего не вымагала еще тогды потреба. Еретичне ученіе, що Духъ св. ôтъ Сына не происходитъ, повстало доперва по VII. вселенскôмъ Соборѣ (ἱερὸς Φώτιος бувъ первый, который тую ересь поважився учити); передъ VII. Соборомъ не знавъ еще никто о тôй ереси, про то и не було потребы слôвъ „и ôтъ Сына“ Символови придавати. Кромѣ того муситъ г. Антимосъ самъ признати, що Отцѣ на вселенскихъ Соборахъ собраный, хотяй присутствіемъ св. Духа руководятся, щобы въ своихъ догматичныхъ опредѣленяхъ не блудили, при тôмъ не стаются пророками, щобы будущіи ереси предвидѣти и ихъ — еще передъ ихъ повстаньемъ — осудити могли. Сего не здѣлали навѣть сами Апостолы, хотяй мали дѣйстно даръ пророчества. Для того обѣцявъ Христосъ своей Церквѣ, що буде съ нею до скончанія вѣка, щобы Церковь св. могла кождои хвилѣ новоповстаючіи ереси силою своихъ непогрѣшимыхъ опредѣленій опровергати и уничтожати.

Церковь Христова, Духомъ правды оживлена, мае про то всегда власть новіи догмата опредѣляти и тіиже ложнымъ и еретичнымъ наукамъ противставляти. Узаконяючи однакъ новіи догмата, не творитъ Церковь св. новыхъ правдъ вѣры, а тôлько поясняе и новымъ потребамъ приноровляе одну и тую саму вѣру, якую она ôтъ Апостолôвъ приняла. И такъ якъ Церковь св. единосущнôсть Слова противъ Аріанъ и Божество св. Духа противъ Македоніанъ определила, такъ само опредѣлила она и исходъ св. Духа не лишь ôтъ Отца но и отъ Сына, коли оказалася сего потреба. А власне упорнôсть православныхъ въ переченю католического догмата есть явнымъ и неоспоримымъ доказомъ конечности, щобы догматъ „и ôтъ Сына“ опредѣлити и его въ Символѣ исповѣдовати.

До П. Т. Читателѣвъ „Руского Сіона“.

Выс. рѣшеніемъ Всесвѣтлѣйшого гр. к. Митропол. Ординаріата зъ дня 4. Листопада т. р. Ч. 137/Орд. запрещаеся пôдписаному дальше изданіе и редакція Его власной приватной часописи „Рускій Сіонъ“. По одержаню сего выс. рѣшенія, мы застановили дальше издаванье реченой часописи, а посылаемъ П. Т. нашимъ Читателямъ лише то, що до полученя повысшого рѣшеня уже до печатаня було приготовленымъ. Предлогъ реченого запрещеня буде П. Т. нашимъ Читателямъ знаный зъ иншой стороны, для того не видимъ потребы его тутъ наводити. То лише вспомнемъ, що обнимаючи съ початкомъ сего року выдаванье руского Сіона, мы постановили послѣдовати точно словамъ Апостола по-

ставленымъ на главѣ першого Числа I. Рочника; мы предприняли „*вся искушающе добрая держати, наставати благовременнѣ и безвременнѣ, вся елика истина, елика праведна, елика доброхвальна помышляти.*" Провôдною нашою гадкою була очистити и оборонити насъ отъ всякой напасти, поднести насъ черезъ истребленье елементôвъ, тлѣючихъ нашъ народно-церковный организмъ. — Однакожь, чи-то мы неблагоразумно ю розвивали, чи-то она въ своимъ розвою надыбала на страданя кождой идеи свойственнѝ, чи-то такъ зарядивъ разумъ Божій, которого „неиспытанѝ судове и неизслѣдимѝ путіе," досить, що послѣдуючи высшой волѣ мы принужденѝ дотеперѣшне издательство руского Сіона перервати. Повинуючись наставникамъ нашимъ, и хотячи миръ Хрістовъ имѣти между собою, мы хоть съ кровію пересякненымъ сердцемъ поддаемся незавидной судьбѣ, уповаючи на Бога, що насъ не оставитъ, що избавитъ насъ отъ врагъ нашихъ и отъ всѣхъ ненавидящихъ насъ. Богъ и добрѝ люди не дадутъ намъ загинути. Никто, надѣемся, здорово-мыслячій и доброй воли не кине каменемъ проклона на насъ, пожалуе и вспоможе намъ выдобутися зъ матеріяльнои руины, на яку есмо выставленѝ черезъ перерванье выдаваня реченой часописи, такъ якъ маемъ велики счеты съ печатнею, котрѝ лише тогды будемъ могли вырôвнати, на коли всѣ залеглости отъ П. Т. Читателѣвъ нашихъ такъ зъ текучого, якъ и зъ минувшихъ лѣтъ намъ якъ найскорше будутъ надосланѝ. Мы маемъ повну надѣю на исполненье того нашого прошеня, якъ такожь, що при помочи Божой скорше — познѣйше буде намъ возможно перерване дѣло на ново роспочати — и „воскресшу Рускому Сіону" радостне епінікіонъ зъ души заспѣвати Господеви „егоже очи — слабому и требующему заступленія — призрѣста въ благая и воздвиже его отъ смиренія его, и вознесе главу его, и дивишася о немъ мнози." (Сір. XI. 13).

От Редакціи Руского Сіона.

Львôвъ дня 9. Листопада 1880.

Александеръ Бачиньскій.

☞ Залеглости просимъ посылати подъ адресою:

Александеръ Бачиньскій.
вицеректоръ гр. к. ген. Семинаріи
ул. Копер. Ч. 36. во Львовѣ.

Выдае и отвѣчае за редакцію: *Александеръ Бачиньскій.*

Зъ друкарнѣ Товариства имени „Шевченка" — пôдъ зарядомъ К. Беднарского.